

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 4 de marzo de 1969

Буэнос Айрес, вторник 4 марта 1969 года № 993

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

366. ОСТАЮТСЯ ЗАГАДКАМИ ПОКУШЕНИЕ У ВОРОТ КРЕМЛЯ И СУДЬБА А. Н. КОСЫГИНА. — ТАИНСТВЕННАЯ ГИБЕЛЬ ПОЛКОВНИКА К.Г.Б. АРТАВАЗДА МАНГАЗАРОВА. — ТРИ СМЕРТНЫХ ПРИГОВОРА ВОИНАМ АНТИПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА В БЕЛОРУССИИ. — ДИСКУССИЯ О КОНКУРСНЫХ ЭКЗАМЕНАХ. — РОМАН СЕРГЕЯ ВЫСОЦКОГО “СПРОСИ ЗАРЮ”. — ПОСЛЕДНИЕ СЛУХИ О КОСЫГИНЕ И КАТУШЕВЕ И О ПРЕДСТОЯЩЕМ СУДЕ НАД ИЛЬИНЦЕВЫМ.

Две загадки продолжают волновать общественное мнение нашей родины и проживающих в Москве дипломатов и журналистов. Первая из них относится к покушению у Боровицких ворот Кремля. До сей минуты, когда пишу эти строки, ничего не опубликовано и власти упорно ничего не сообщают о ходе следствия. Лишь очень немногое можно считать безусловно установленным:

1. Покушение было заранее подготовлено и покушавшийся лишь по ошибке начал стрелять в генерала Берегового, приняв его за Брежнева. Поэтому ложью являются выпускаемые официальной пропагандой слухи, что покушавшийся хотел убить кого-нибудь из космонавтов.

2. Стрелявший был молодой человек, одетый в форму милиционера. Можно поверить, что это был русский, а не иностранец.

3. Совпадение слухов из разных источников позволяет думать, что это был лейтенант инженерных войск, прибывший за несколько дней из Ленинграда, фактически дезертировавший из своей части и остановившийся у своих родных или друзей. Поэтому он не был прописан в Москве и труднее было установить его личность. Его имя якобы Ильинцев.

4. Мне лично представляется, что он был исполнителем решения какой-то группы и имел сообщников. Это подтверждают многочисленные аресты среди военных и интеллигентов столицы и

самая обстановка покушения: кто его снабдил формой милиционера? Как он рассчитал момент прохождения автомашин у Боровицких ворот, где они замедляют ход и легче к ним приблизиться? Если он не был в самой охране, то как мог в ней замешаться и не обратить на себя внимание младших командиров охраны, которые все время проверяют бдительность цепей милиционеров по обе стороны дороги и знают в лицо расставленных ими подчиненных? Возможно, что он был одет офицером милиции и поэтому его приняли за одного из офицеров, расхаживающих вдоль сектора пути следования машин для проверки охраны. Это позволило ему легче подойти к машине и застрелить мотоциклиста. Его сбил с ног налетевший на него следующий из мотоциклистов, провожавших автомашину, что позволило его обезоружить.

Вторая загадка это судьба Косыгина. Во время пребывания в Москве президента Народной республики Южного Йемена Кахтана Мохаммеда аш Шааби произошел совершенно непонятный инцидент: 29-го января днем советское радио сообщило, что на парадном обеде в “Доме приемов” Кремля в честь “высокого гостя” присутствовал вместе с Подгорным Косыгин. Иностранцы журналисты оповестили об этом свои редакции и сам я слушал это сообщение своими ушами при дневной телевизионной передаче в 4 часа по московскому времени. Но через два часа последовало

опровержение ТАСС, переданное по радио по всему миру, что Косыгина не было, ибо он находится в отпуску, а вместо него был, как и при чествовании космонавтов первый заместитель премьера Д. С. Полянский.

Это вызвало волнение среди иностранных журналистов: никогда за всю историю СССР не случалось, чтоб официально сообщалось о присутствии на торжестве, приеме или обеде деятеля, который отсутствует больше месяца и еще не вернулся из отпуска. Пошли новые предположения: Косыгин отстранен, но это держится в тайне, а потому он решил самовольно явиться на обед, но Брежнев приказал его не пускать и отправив домой. Раз при Хрущеве был такой инцидент: когда травил Ворошилова, то он неожиданно явился на ноябрьский парад, но по распоряжению Хрущева его не пустили на правительственную трибуну. Началось прохождение войск и старый маршал был вынужден стоять внизу около лестницы рядом с офицером охраны.

Внезапное возвращение Косыгина на свой пост (6-го февраля) и участие его во встрече на Киевском вокзале приехавшего в Москву венгерского премьера Кадара несколько не разрешает этой загадки. Кадар и Ульбрихт приехали по вызову в Москву для совещания с также вызванным новым чешским министром иностранных дел Яном Марко, как будто более покладистым. С ними Брежнев мог сговариваться без Косыгина, но он позволил ему вернуться и вступить в должность, как в свое время возвращали из замаскированных сылок лидеров оппозиции, принесших поклянное заявление. Остаются в силе две гипотезы, объясняющие, почему Косыгин не встречал ни космонавтов, ни всяких важных гостей, которые посещали Москву весь январь и первые дни февраля:

1. Он действительно болен: предполагают сирроз или рак печени, что заставило его лечиться летом в Карловых Варах, а теперь не дало ему сил подняться на ноги, чтоб поехать на автомобиле на встречу космонавтов. Однако наступило временное улучшение и он поехал встречать Кадара, чтоб опровергнуть слухи о болезни. Ведь и Ленин, уже страдавший прогрессирующим параличом, все же с трудом произнес речь на съезде политпросветов осенью 1922 года и ушел после краткой речи, обливаясь потом за кулисы театра, где Крупская и Клара Цеткин, целуя ему дрожащие руки, усадили больного в кресло. По телевизии Косыгин выглядит больным, но стоит на ногах и ходит.

2. Он поспорил с Брежневым и решением политбюро временно был отстранен от работы с предложением (под домашним арестом в Москве или вне столицы на какой-нибудь даче) “оду-

Для нас принципиально неприемлемы ни насильнический религиозный опыт Западной Европы, ни, также, опыт ее государственно-строительной истории. Наша религиозная жизнь, как и наша государственная жизнь, — при всех их грехах, — были и останутся впредь — самими совершенными на земле формами религиозной и государственной жизни. Мы не смущаемся ни “Союзом безбожников”, ни наследниками Ленина с их коминтерном: все это пройдет. Россия грешна, и Россия больна. Болезнь приходит к самым сильным мужам и грех приходит к самым святым людям. Пытаясь излечить русскую болезнь всеми доступными нам средствами, мы должны знать и помнить: всякая болезнь есть неизбежное последствие предыдущих прегрешений против здоровья.

Иван СОЛОНЕВИЧ

маться” и отказаться от своей оппозиции. Видя, что все от него отвернулось, Косыгин “одумался” и обещал быть впредь не сопративителем с Брежневым, а покорным его холопом, которым был столько лет при Сталине, Маленкове и Хрущеве.

Будущее покажет: какое из этих предположений верно.

По столице ходят странные и совершенно сенсационные слухи. Передаю наиболее из них интересные.

Негласный исполнитель тайных политических поручений Кремля советский авантюрист Евгений Эмильевич Луи (французский псевдоним) якобы поехал в Токио, там явился в посольство национального Китая с документом британского журналиста аккредитованного в Москве и просил визу в Тайпе. Он устно объяснил послу цели визита и получил эту визу на фальшивый британский паспорт, поехал в Тайпе и там виделся с ближайшими сподвижниками Чан-Кай-ши, чтоб от имени Брежнева выяснить, какую позицию займет национальный Китай в случае войны СССР против Пекина, которая становится все более вероятной. После весьма конфи-

† 1-го марта 1969 г. после короткой тяжелой болезни скончался

ХОСЕ УБЕРТО КРЕУС,

о чем с глубокой скорбью извещают вдова Мария Марьяшец-Креус, Ксения Сибирякова-Марьяшец и Владимир.

† 22-го февраля с. г. скоропостижно скончалась на 69-м году жизни

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА,

о чем сообщает муж усопшей.

† 2-го января 1969 года в г. Монреале (Канада) после тяжелого недуга скончался один из старейших народных монархистов, герой борьбы против большевизма

СЕКРЕТАРЬ РОССИЙСКОГО НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ АЛПАТОВ,

о чем с глубокой скорбью сообщают члены Движения в Австралии и выражают свое искреннее соболезнование семье и родственникам покойного.

† В годовщину смерти

ПРОТОИЕРЕЯ о. ГЕОРГИЯ РОМАНОВА

11-го марта с. г. в 16.30 часов будет отслужена Лития у его могилы на кладбище в Мороне.

Настоятель Храма

Всех Святых в Земле Российской просиявших
Церковный староста.

ГРАМОТА № 65

По повелению ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА

ГРОТОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

награждается Знаком с вензелевым изображением Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА 2-й степени за многолетние действенные труды на пользу Законной Монархии.

Настоящая Грамота выдана в Мадриде 1969 года Января 1-го дня, Начальник Собственной Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Государя Великого Князя Владимира Кирилловича Походной Канцелярии

Ротмистр ВУИЧ

Редакция “Нашей Страны” и члены Российского Народно-Монархического Движения поздравляют Генерального Секретаря РНМД СЕРГЕЯ ВИКТОРОВИЧА ГРОТОВА (Алексея Ростова) с наградой и желают ему еще многие годы плодотворного служения Родине и Главе Династии.

ОБРАЩЕНИЕ - ПРИГЛАШЕНИЕ

денционных переговоров Луи вернулся в Москву и представил доклад об их результатах Брежнев.

Это может показаться невероятным, но раз Вашингтон ведет в Варшаве переговоры с Пекином, освещая своего китайского союзника в Тайпе, то почему последний, ведя войну против Пекина, не может сговариваться с СССР? Это напоминает совершенно непредвиденный на Западе сговор Сталина с своим ярым врагом Гитлером против Польши и ее демократических союзников, когда после секретных переговоров был подписан пакт Молотов-Риббентроп.

Второй сенсационный слух: в период манифестаций в Праге после самоубийства ряда молодых людей, Москва тайно предложила военному министру Визуру свергнуть президента Свободу, заменив его, как Дубчека и Черника, ставленниками Москвы. Но все военачальники заявили о своей преданности президенту и правительству и готовности их защищать с оружием в руках. Тогда этот план отпал, но в Москву был вызван Марко, чтоб через него предложить Дубчеку принять более энергичные меры в подавлении молодежи, рабочих и печати, за что ему дадут большую экономическую помощь и уберут часть оккупационных войск.

Ульбрихт по поручению Брежнева сообщил Западной Германии и ее союзникам, что СССР не допустит выборов президента Зап. Германии в Берлине 5-го марта. Если от этого Запад не откажется, то СССР с "варшавскими" сателлитами устроят грандиозные маневры вокруг Берлина с закрытием не только трех автострад, но и "воздушных коридоров". Самолеты, на которых прилетит 22 депутата новой национал-демократической партии, будут сбиты, поэтому им придется после такого предупреждения лететь на военных самолетах союзников. Но решится ли на это Никсон, который уже объявил, что прилетит сам в Берлин 27-го февраля за неделю до дня выборов президента Германской Федерации Республлик. Интересно, заставит ли Никсон перенести выборы в Западную Германию, показывая, что правительства Германии и ее союзников перестали считать Берлин частью территории свободной германской республики, или же пойдут на риск конфликта с СССР и установления новой воздушной блокады, если СССР не решится на войну? Лично я считаю, что СССР боится революции внутри России в случае новой мировой войны.

"Красная звезда" от 5-го февраля сообщает о "трагической смерти при исполнении служебного долга" полковника государственной безопасности Артавазда Мангазарова и дает его очень краткий некролог. Этот полковник (весьма крупный чин для офицера этих войск) родился в Баку в 1920 году в дни его советизации и вступил в ряды советской армии перед самой войной, которую провел на фронте бойцом, унтер-офицером и в младших офицерских чинах. После демобилизации из армии в 1949 году, Мангазаров перешел на службу в органы государственной безопасности, где прослужил 20 лет до дня таинственной смерти.

Газета не говорит ни слова об обстоятельствах его гибели, но называет полковника "дисциплинированным и упорно настойчивым при выполнении возложенных на него служебных заданий".

Самый стиль этого сообщения позволяет полагать, что Мангазаров погиб жертвой террористического акта, ибо в противном случае не стали бы секретничать, а сообщили бы: погиб при автокатастрофе, или при крушении поезда.

Не указан город, где он служил, ни обстоятельства смерти не изложены. Но из текста ясно, что это был чекист, т. е. оперативный работник государственной безопасности, а не строевой командир войск внутренней охраны или пограничной стражи. Это была настолько крупная фигура, что было совершенно необходимо дать некролог, который невольно выдал читателям акт индивидуального террора против ненавистного чекиста.

Советское радио сообщило, что в Гомеле закончился процесс десяти участников антипартизанского отряда, обвинявшихся в том, что в период оккупации они боролись против сталинских партизан и расстреливали их сообщников. Трое из них приговорены к расстрелу, а прочие семь к различным срокам заключения в концлагерях строгого режима. Сроки от семи до пятнадцати лет.

Прошло уже довольно времени, как я, благодаря доброте и любезности distinguished издателей русских печатных органов, — обращался с призывом о союзе "МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ" на предмет водворения мира в нашей церковно-общественной жизни в Аргентине ради блага Матери-Церкви и русского национального дела.

Теперь я опять позволяю себе всепокорнейше просить вас всех, господ Председатели и их заместители всех существующих в Буэнос Айресе русских национальных, военных, культурных, благотворительных антикоммунистических организаций и Редакторы "Нашей Страны", "Русского Слова", "Русской газеты" и "Помни Россию", собраться на эту конференцию, принести на оную в сердцах и душах своих мир, тишину и братолюбие, чтобы это была воистину "МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ", которая состоится в церковном зале, Бразиль 315 в Буэнос Айресе 19 марта с. г. Собрание начнется молебным пением с чтением акафиста в 18 часов в Св. Троицком соборе.

Подготовим себя в эти дни Великого поста, когда мы говеем и Св. Христовых

Мы преклоняемся перед подвигом этих борцов за освобождение родины от сталинщины, защищавших мирное население Гомельской области от насильной партизан, в большинстве случаев или сбрасываемых на парашютах заядлых коммунистов, наводивших ужас на белорусские села.

В первых числах февраля "Правда" провела любопытную дискуссию по вопросу о конкурсных экзаменах при поступлении окончивших среднюю школу в высшие учебные заведения.

Многие директора средних школ, особенно провинциальных, жалуется на то, что награжденные медалями при окончании средней школы и имеющие отличные характеристики студенты проваливаются на конкурсных экзаменах при приеме в разные университеты и институты. При этом бывают случаи, что на оборот юности, имевшие посредственные отметки в средней школе, получают хорошие отметки на конкурсе и попадают в институт, что удивляет их бывших преподавателей. Эти директора утверждают, что за десять лет учения в средней школе преподаватели хорошо познакомились с учениками и могут лучше оценить их знания, способности и склонности, чем экзаменаторы на конкурсном экзамене, которые проверяют письменные работы и беседуют не больше 10 минут с каждым кандидатом на устном экзамене. При этом часто эти экзаменаторы даже не заглядывают в приложенную характеристику, которую в средней школе выпускнику совместно составляют директор, зав. учебной частью, классный руководитель, парторганизатор школы и секретарь комсомола. В характеристике указаны не отметки, которые представляются в аттестате, а дается оценка способностей и склонностей, перечисляются кружки, в которых выпускник работал, оценивается его работа в комсомоле.

Но, оказывается, что на эти характеристики экзаменаторы даже не смотрят, а предпочитают сами на экзамене составить себе впечатление о кандидате на конкурсе. Директор школы в Нижнем Тагиле на Урале пишет, что раз к ним в школу пришел студент, который раньше был секретарем комсомола в этой школе, и рассказал, как проходили в его институте конкурсные экзамены. "Подумайте: оказывается, что на наши характеристики так никто из экзаменуемых профессоров даже и не смотрит". — "Вот, отлично, — заметил стоявший рядом 10-классник, — а то меня недавно из комитета комсомола исключили и выговор дали. Об этом напишут в характеристике. Поэтому для меня хорошо, что эту характеристику экзаменаторы читать не будут".

Но экзаменуемые в ВУЗ-ах профессора отвечают на это следующими аргументами: характеристики отражают не действительные знания кандидатов, а симпатии начальства, которые они су-

таинств приобретаем, чтобы Спаситель мира сподобил нас достойно обლობызать Его страсти и прославить Светлое Воскресение, искренне обнять друг друга и простить все и вся Воскресением. Вспомним дивную молитву Преп. Ефрема Сирина: "Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, даруй ми рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего: яко благословен еси во веки веков, аминь".

Если эти святые и дивные слова молитвы проникнут в наше грешное нутро, тогда Творец мира поможет нам всем преодолеть общими усилиями козни, дьявола, кои он посеял в нашей эмигрантской среде, мешая нам объединиться, сплотиться, мирно жить на чужбине и достойно трудиться в этой благодатной Боголюбивой стране — Аргентине во имя и на пользу многострадальной нашей Родины-России, поработанной безбожной коммунистической властью.

Митроф. прот. ФЕОДОР ФОРМАНЧУК
Настоятель Св. Троицкого собора.

мели приобрести за десять лет пребывания в средней школе. Очень часто преподаватели мирволят угодливому ученику и зря ставят ему хорошие отметки, сбавляя балл умному, способному, знающему, но дерзкому и непокорному ученику. С другой стороны комсомол готов настоять на характеристике, весьма похвальной, активному по общественной работе, но плохо знающему пройденный курс ученику. Нельзя прощать незнания математики хорошему футболисту или пловцу, лыжнику или конькобежцу, отличившемуся на состязаниях и считающемся "гордостью школы". Больным злом является в средней школе "процентомания": руководители отделов народного образования, директора и преподаватели борются за "стоцентную успеваемость", забывая, что при правильной оценке знаний она недостижима — всегда среди 35-40 учеников найдутся два-три, которые не в силах усвоить всю программу наравне с другими. Когда от преподавателя требуют стоцентной успеваемости, то он натягивает отметки неуспевшим программы и невольно совершает подлог. Такой неуспевающий в истории или математике активист комсомола и спортсмен провалится на конкурсном экзамене в университете по истории или математике, что естественно и справедливо. Всякие поблажки при приеме ведут к тому, что принятый снисходительно студент потом вынужден покинуть институт, что является большей трагедией, чем провал на конкурсном экзамене. При этом в ВУЗ-ах, обещающих выгодные профессии врача или инженера конкурс жестокий: из 400 кандидатов надо принять 40 лучших, а в каком-нибудь лесном институте надо выбрать 40 сделать из 45-ти кандидатов: тут и конкурса настоящего нет. Туда поступают "лучшие из худших". Но это неизбежно и, пожалуй, правильно: пусть спортсмен идет в свой институт физкультуры, где конкурс невелик, а не в трудный горный институт или медицинский факультет, который ему не осилить.

Замечу, что эта дискуссия из "Правды" перешла в нашу семью: жена моя, преподающая в старших классах средней школы и техникуме, находит, что часто хорошие ученики на устном экзамене у строгого профессора сбиваются и неправильно отвечают из-за волнения. Я, профессор университета, считаю, что сумею разобраться в знаниях экзаменуемого кандидата, делая скидку на его вселение, которое стараюсь мягким обрачением успокоить, чтоб получить спокойный и продуманный ответ. Но при этом моя оценка будет основана на ответах мне в жизни незнакомого кандидата, а не на старых за годы прохождения средней школы невольных симпатиях. Когда я сорок лет назад экзаменовал при приеме в советские ВУЗ-ы, то смотрел характеристику, но совершенно с ней не считался: успешная работа комсомольца по подписке на госу-

дарственный заем среди учеников школы естественно не могла быть основанием для снисхождения при незнании им русской литературы, истории, географии и потому я спокойно проваливал такого безграмотного активиста, но ставил хорошую отметку волнующейся студентке, которая правильно, хотя и дрожащим голосом, отвечает на все вопросы, на которые не сумел ответить самоуверенный и бойкий активист комсомола.

Большое впечатление произвел на меня роман Сергея Высоцкого "Спроси зарю", с недурными иллюстрациями, который поместил ежемесячный журнал "Молодая гвардия". Роман навеян действительными фактами с пристегнутым фальшивым концом, чего требовала цензура и сама редакция. (См. ноябрьский номер прошлого года).

Рассказ начинается с того, что генерал КГБ вызывает опытного, хотя и молодого, чекиста Гусева и поручает ему следствие по делу об исчезнувшем в США 32-летнем сотруднике газеты "Заря" Александре Александровиче Антонове, холостом, члене партии, поехавшем в США с экскурсией журналистов. Из романа узнаем, что КГБ помещается в Ленинграде, якобы в огромном 14-ти этажном доме, выстроенном в 30-х г. г. на месте сгоревшего в дни февральской революции Окружного суда на Литейном проспекте № 4. Гусев принялся за расследование жизни Антонова, вспоминаемая сбежавшего в Голландии аспиранта философии и дело Пеньковского, которое доньше поражает всех чекистов. Он отправился на квартиру Антонова на Поклонной горе. Квартирная хозяйка сообщила, что его раз навещал американец, хорошо говоривший по-русски и в пьяном виде "шибко ругавшийся". Гусев производит обыск. В комнате много книг и альбомов по русской старине. Среди книг он находит старый дневник Антонова с 1945 года, когда автор был еще подростком. Выясняется, что он рос в детском доме, с которым был эвакуирован на Алтай в начале войны. Затем детдом вернулся в столицу и по его окончании Антонов учился в морском училище. Кончил в 1950 году и записал:

Терпенья много,
Держи на Норд.
Ясна дорога
И близок порт.
Ты будешь первым,
Не съяд на мель,
Чем крепче нервы,
Тем ближе цель.

Это была модная песенка эпохи НЭП-а. Затем из дневника выясняется, что Антонов окончил литературный факультет и влюбился в какую-то Иру, с которой ездил по Волге, восхищаясь русской стариной и возмущаясь варварским разрушением дивных произведений искусства, особенно старинных церквей. Об этом он стал писать в газете, за что его уволили редактор, который возмутился тем, что талантливый юноша предлагает "трагить миллионы на восстановление разрушек, когда еще не разрешена жилищная проблема". Так его прогнали из редакции журнала на канале Грибоедова (б. Екатерининском). Однажды он поехал кататься на острова и там сватался с двумя хулиганами, которые пытались изнасиловать девушку. Его пырнули ножом. Подбежали милиционеры и спасли девушку. Это была та Ирина, которая потом навещала раненного Антонова в больнице. Спаситель и спасенная девушка влюбились друг в друга. Ирина была внучка знаменитого художника. Она, оказываясь, читала и восхищалась статьями Антонова о русской старине, о старинных церквях и иконах. Антонова приняли в другую газету и послали писать корреспонденции о рыболовстве на Ладожском озере. Там он выяснил преступное равнодушие партийных организаций к нуждам рыбаков и об этом написал. Заодно посетил древнюю полуразрушенную церковь и "кипел от негодования, глядя на огромные деревянные иконы, которыми прикрывали бочки с капустой". Он написал резкую статью "Гордиться славою предков" и был за нее уволен редактором.

Гусев пришел при производстве следствия к редактору. Тот назвал Антонова "критиканом" и выразил мнение, что такой "ура-патриот" мог сбежать в США. Однако секретарь партбюро заявил Гусеву, что это был парень горячий и принципиальный, большой патриот и он исключает, что Антонов мог бы добровольно остаться в Америке и перейти в антисоветский стан. Из архивов НКВД Гусеву сообщили, что отец Антонова

был осужден в марте 1939 года за вредительство, вызвавшее взрыв котла на заводе, при чем погибло несколько рабочих. Гусев прочел все дело и убедился, что данных для осуждения не было. Инженер Антонов умер в концлагере в 1941 году и за смертью не был реабилитирован.

Все друзья и родные Антонова говорят о его патриотизме и исключают возможность "невозвращения".

Во второй части (в том же номере журнала) описывается полет в США и попытки пристающих русских эмигрантов "сбить с толку" туристов. В Филадельфии туристы повезли посмотреть порт с ракетными крейсерами и капитан предложил туристам их снимать, ибо "в этом нет секрета". Вечером туристы видели и снимали президента Джонсона, который приехал на предвыборную кампанию; туристы могли свободно снимать все вплоть до протестующих сторонников Гольдвотера. В толпе Антонова отеснили от других туристов. Когда он оказался вдаль от них, его арестовали и обвинили в том, что утром снимал секретные военные объекты в порту, чего он не делал.

На допросах Антонов тщательно утверждал, что утром в порту ничего не снимал. Ему не верили, представили лже-свидетеля и запретили звонить в посольство. Затем приехали работники контрразведки с благообразным стариком, который представился, как **Афанасий Иванович Рукавишников**, проф. кафедры искусств Пенсильванского университета. Он читал все статьи Антонова в защиту русской старины и предложил Антонову просить политического убежища. Профессор показал ему американскую газету, где уже было написано, что Антонов "просит убежища, ибо в советской печати нельзя писать статьи на темы, которые его волнуют. Он был уволен из газеты за резкость суждений и неспособность воспевать достижения. Отец этого журналиста расстрелян в годы сталинских репрессий". Роман кончается тем, что Антонов после очередного отказа просить убежища при возвращении с допроса оттолкнул офицера и выбросился из окна.

Конец неправдоподобный, но любопытно, что изложены все доводы Рукавишникова, убеждающего, что политэмигранты честно служат родине.

Пока заканчивал настоящую статью, из Москвы поступили две сенсационные новости, которые сумели раздобыть самые ловкие иностранные журналисты:

1. На вернувшегося Косыгина никто из сановников не обращает внимания, ибо знают, что его опала — вопрос времени. Брежнев требует, чтоб он просил отставку по болезни, как это сделал Хрущев. Тогда ему позволять жить на подмосковной даче и на бесплатной квартире в Москве при хорошей пенсии, но он должен обещать не заниматься политикой, не встречаться с иностранцами и не принимать никого у себя без ведома КГБ. Но Брежнев не повторит ошибки Хрущева и не назначит самого себя премьером, оставаясь одновременно ген. секретарем, как это сделали Сталин и Хрущев. Председателем совета министров станет его любимец и клевет секретарь ЦК по компартиям стран-сателлитов 42-летний **Константин Федорович Катусев**, бывший инженер, партнез из Горького, блестяще знающий три иностранных языка.

2. **Лейтенант Ильинцев**, стрелявший у Боровицких ворот в машину космонавтов, переведен из психиатрического института во внутреннюю тюрьму КГБ на площади Дзержинского. Психиатры признали его совершенно здоровым и сознающим свои поступки. Он признался, что хотел стрелять в кого-либо из вождей и стрелял во вторую машину, ибо увидел там Брежнева. Это подтверждает мое предположение, что Ильинцев принял Густоберогов Берегового за Брежнева. Установлено наличие группы приблизительно в 20 человек, к которой он принадлежал, но еще неизвестно: будут ли их судить с Ильинцевым. Однако известно, что судить Ильинцева (одного или с сообщниками) будет Военная Коллегия Верховного Суда, ибо он состоит на действительной военной службе и будет обвинен не только в покушении на жизнь руководителя партии, но и в дезертирстве из военной части Ленинградского Военного округа. Все эти не могущие быть проверенными сведения представляются мне вполне

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Нам пишут из Нью Йорка:

Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, митрополит Филарет, вернулся в Нью Йорк из Новой Коренной Пустыни, где он пребывал в течение последних недель своего постепенного выздоровления от возникшей осенью 1968 года продолжительной болезни.

В настоящее время здоровье митрополита поправилось настолько, что он совершает богослужения в синодальном соборе Знаменья Божией Матери в Нью Йорке.

АРХИМАНДРИТ АНТОНИИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Начальник русской духовной миссии в Иерусалиме, архимандрит **Антоний (Габбе)**, побывал в Вашингтоне и был принят в Белом Доме ближайшим советником президента Никсона по вопросам безопасности и внешней политики **Гарри Киссинджером** и советником президента по проблемам Среднего Востока **Гарольдом Сандерсом**.

В Государственном Департаменте архимандрит **Антоний** беседовал с директором средне-восточного департамента **М. Стернером**.

В разговорах с этими представителями президента и правительства Соединенных Штатов архимандрит **Антоний** ознакомил их с юридическим положением Русской Православной Церкви в Святой Земле и с юридическим положением того Русского Палестинского Общества, которому принадлежит недвижимое имущество Русской Зарубежной Церкви в аннексированной Израилем бывшей Йорданской части Иерусалима.

Собеседники архимандрита **Антония** заверили его в том, что интересы Православной Церкви в Иерусалиме будут приняты во внимание во время предстоящих переговоров четырех держав о возможности восстановления мира на Среднем Востоке.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Возведенный в Нью Йорке в епископский сан и состоящий в юрисдикции московской патриархии архимандрит, ныне епископ **Марк** вернулся в Сан Франциско, откуда он будет управлять приходами американского епархата патриархии на западном побережье Соединенных Штатов и Канады.

Его преемником в должности настоятеля **Св. Николаевского собора** в Сан Франциско, принадлежащего патриархии, будет иеромонах **Андрей (Ухтомский)**, долгое время, после перехода в католичество, состоявший священником Восточного обряда и членом ордена незуитов. Недавно он был воссоединен с православием приезжавшим из СССР в Соединенные Штаты митр. **Никодимом**.

БОГДАН СТАШИНСКИЙ

Нам пишут из Мюнхена:

Западно-германское министерство юстиции подтвердило, что бывший агент КГБ **Богдан Сташинский**, сознавшийся в убийстве украинских националистов **Бандеры** и **Ребета**, совершенным им в Мюн-

В Гарвардском Университете составляется Библиография Русской Зарубежной Литературы 1918—1968 г.г. Всех опубликовавших беллетристику, воспоминания и литературную критику отдельными изданиями или в журналах просят присылать сведения, включающие название, жанр, издательство (или журнал), город, год, количество страниц по адресу: **Ludmila A. Foster 29 Concord Ave. Apt. 712 Cambridge, Mass, 02138. U. S. A.**

правдоподобными и рисуют Ильинцева, как самоотверженного борца за освобождение России. Его ждет трагическая судьба, но из военных рядов могут выйти новые мстители за всех павших при приговорах советских судов, за всех отдавших жизнь при попытках раскрепостить страну.

Алексей Ростов

хене с помощью особого оружия, отравившего убитых цианистым калием, и приговоренный за эти преступления к долгосрочному тюремному заключению, был досрочно освобожден из тюрьмы в 1967 году и не находится больше в Германии.

Западно-германский журнал "Штерн" утверждает, что **Сташинский** был освобожден по просьбе иностранной разведки, которой он сообщил ценные сведения о КГБ и его агентах, и ныне якобы находится в Америке.

МОСКОВСКИЙ РАВВИН

Нам пишут из Нью Йорка:

В главной московской синагоге состоялось ознаменование 75-летия возглавляющего московскую иудейскую общину раввина **Лейбы Иегуды Левина**, который в 1968 году, по приглашению еврейских организаций в Соединенных Штатах, побывал в Америке.

По приглашению председателя названной синагоги **Михайловица** в этом ознаменовании участвовала делегация, состоявшая из нескольких американских раввинов, в том числе раввина **Артура Шнеера**, председателя еврейского Фонда Обращения к Совести, неоднократно в последние годы обвинявшего СССР в дискриминации по отношению к евреям, и ортодоксального раввина **Пинхаса Тейца**, родившегося в России и с молодых лет близкого к раввину **Левину**.

Кроме того, участником этой делегации был католический священник, незуит **С. Дж. Мак Наспи**, редактор выходящего в Нью Йорке незуитского журнала "Америка". Как многие другие члены ордена незуитов, он принадлежит к той части католического духовенства, которая стремится к самому тесному сотрудничеству католиков с евреями.

ХАЙНЦ ФЕЛЬФЕ

Нам пишут из Мюнхена:

Западная Германия обменяла на троих, арестованных в СССР германских граждан, бывшего офицера национал-социалистического главного управления государственной безопасности (рейхс-зихерхейтсгауптама) **Хайнца Фельфе**, осужденного в 1963 году за шпионаж в пользу СССР.

Советским шпионом **Фельфе**, служивший в западно-германской разведке, стал в 1951 году. Во время состоявшегося в 1963 году процесса он заявил, что причиной, побудившей его связаться с СССР, было то жестокое обращение, которое он, как германский офицер СС, испытал в американском плену.

Согласно обвинительному акту, **Фельфе** лично или через своих сообщников, осужденных одновременно с ним **Гансом Клеменсом** и **Эрвином Тибелем**, передал СССР 15 тысяч фотокопий тайных документов из архива западно-германской разведки, 300 сделанных им в этом архиве фильмов и 20 магнитофонных звуковых записей, хранившихся в архиве. Кроме того, он выдал Советскому Союзу 95 тайных агентов западно-германской разведки.

За эти услуги **Фельфе** получил от большевиков 36 тысяч долларов, **Клеменс** — 44 тысячи, а **Тибель**, исполнявший обязанности курьера — сравнительно небольшую сумму.

Западно-германский суд приговорил **Фельфе**, которому теперь 51 год, к 14-летнему тюремному заключению. **Клеменс** был приговорен к десяти годам, а **Тибель** — к трем годам тюрьмы.

Начиная с 1966 года, советское посольство в Бонне ежемесячно делало западно-германскому правительству предложения об обмене **Фельфе** на арестованных в СССР немцев. В обмен за него оно освободило и передало западно-германским властям **Вальтера Неймана** и **Питера Зонтага**, осужденных по обвинению в военном шпионаже в пользу Соединенных Штатов в Западной Германии и приговоренных в Советском Союзе к 12 годам заключения каждый, а также молодого немецкого студента **Фолькера Шаффаузена**, арестованного и осужденного в Ленинграде по обвинению в исполнении поручений НТС.

Автор книги о самозванце **Голеневском**, американский журналист **Гай Ричардс**, и первоначальные покровители и сообщники самозванца в Соединенных Штатах, отец и сын **Спеллеры**, утверждали в своих изданиях, что **Фельфе**, в числе нескольких других видных советских агентов, был разоблачен и выдан **Голеневским**, после его приезда в Америку в начале 1961 года.

Возврат к РАПП-у

(КРС) Грустно подводить итоги литературной жизни минувшего года. Грустно потому, что и подытоживать-то в общем нечего, как и потому, что может создаваться впечатление, будто время, усиливая свой бег, движется не столько вперед, сколько назад, к забытому уже периоду РАПП-а (Российская Ассоциация пролетарских писателей).

Из чего это можно заключить? А вот, давайте вспомним такие Рапповские издания, как журнал "На литературном посту" или толстый журнал "Борьба миров". И тогда нетрудно будет заметить, что печатавшиеся в них статьи и рассказы могли бы сейчас, в наши дни, с успехом появляться в "Литературной газете" или в "Огоньке", либо в журнале "Октябрь".

Самой характерной и самой скверной чертой РАПП-а погибший в ежовщину поэт и критик **Сергей Клычков** считал "злостное, полузлостное или, в лучших случаях, профилактическое, с целью промывания мозгов, очернение инакомыслящих". "Всех, кто не с нами, принесем в жертву... Мы им покажем, что непрозревшим не место в литературе... Дорогу бумажным бодрячкам... Да здравствует довольный жизнью человек... Дадешь таких и в стих и в повесть... долой тех, кто грустит и кому далеко не всё в нашей жизни по душе и по сердцу!"

Так говорил **Сергей Клычков** в 30-х годах, когда в издательстве "Федерация" обсуждался сборник его стихов "В гостях у журавлей", где есть, кстати, такие строки:

И потому так горек опыт,
И невозвратен каждый шаг,
И тщетен гнев и жалок ропот,
Что вместе — жертва я и враг.

Сергей Клычков, как и **Артем Веселый**, **Борис Пильняк** и другие большие писатели, тоже погибшие в ежовщину, во времена РАПП-а, то есть в конце 20-х - начале 30-х годов, не стовариваясь друг с другом, продолжали отстаивать право художника на изображение жизни по принципу "жизнь, застигнутая врасплох". Этот принцип они противопоставляли ставке РАПП-овцев на индустриальные идиллии и тракторные пасторали.

Все это вспоминается, читая во 2-ой книжке "Октября" очерк **Елены Микулиной** "Жизнь, как она есть". Название этого очерка не соответствует его содержанию. Это не жизнь, как она есть, а попытка ее изображения с позиций искусственной бодрячки, все еще предпочитающей тракторные идиллии и индустриальные пасторали. Правда жизни автора, видимо, не устраивает — и поэтому **Микулина** с энергией РАПП-овских активистов старается опорочить **Александра Солженицына**, обвиняя его в патологическом пристрастии к теневым сторонам советской действительности. В своем очерке **Елена Микулина** пишет:

"Стремление во что бы то ни стало найти помоишку, а порой самому подбросить в нее собранный по дороге в разных местах мусор, кажется мне патологическим..."

Что же представляется **Елене Микулиной** мусором? Прежде всего неустраиваемость, незавидные условия существования человека, то есть именно то, что **Артем Веселый**, вызывая раздражение РАПП-овских заправил, называл "босой правдой жизни", а **Борис Пильняк**, подхватив слова кинохроникера **Дзиги Вертова**, называл "жизнью, застигнутой врасплох".

Для внятой убедительности **Елена Микулина** обратилась к бывшему заключенному концлагерей, некоему **Степовому**, который считает, что он попал в лагерь "по собственной глупости, а не потому, что был против советской власти", — как будто в концлагери отправляли только тех, кто действительно выступал против этой власти. И вот этого **Степового**, уподобившегося унтерофицерской вдове, которая сама себя высекла, освободили, наставили на партийный ум и он говорил **Елене Микулиной**:

"В селе я сейчас заведу клубом. Стороны поглядеть — верчусь, как белка в колесе. Но такое верчение как раз и делает жизнь наполненной, интересной".

Степовой понадобился **Елена Микулиной** потому, что он, по ее словам, выдвинулся к себе в гости, прочитав его повесть "Один день **Ивана Денисовича**".

Вот как Степовой рассказывает об этой встрече:

«А разговор у нас с ним не получился. Остался недоволен нашей встречей писателя, час только побыл и уехал... Видимо, не тем я человеком оказался, которого он искал... Ждал от меня этот писатель ответов других: что плохо, убого живу, страдаю душевно от изоляции, что нет у меня перспектив...»

Основываясь на этих словах, Елена Микулина, после беседы со Степовым, пришла к такому заключению:

«Автор нашумевшей повести о лагерях надеялся найти в нем (Степовом), в его жизни новый материал для подкрепления своей концепции о разрушении человеческой личности в советском обществе. Увидев в своем корреспонденте человека, довольного жизнью, он потерял к нему интерес и уехал искать «правду факта» и своих сторонников в другом месте».

Что ж, вполне можно допустить, что встреча со Степовым не была организована редакцией «Октября». В таком случае Микулина по той или иной причине, думает созвучно с нею, потворяет ее собственные мысли.

Но тут тоже возникает параллель с РАПП-овским временем. Вспоминается Федор Гладков, у которого в свое время возник острый конфликт с РАПП-овским руководством из-за первой и второй редакций рассказа «Кровью сердца». РАПП-овцы тогда прибегли к устройству читательских конференций, чтобы осудить этот рассказ, где речь идет о недовольстве читателей литературой, изготавливаемой по рецептам РАПП-а. И читатели, на такой организованной конференции чуть ли не единодушно одобрили линию РАПП-а и вынесли Гладкову общественное порицание. Гладков по этому поводу говорил:

«Я не против апелляции к массовому читателю, — я всецело за это... Но я против заранее запланированного подбора читательской конференции, куда привлечены только противники моего рассказа. Нельзя допустить, чтобы вместо справедливой оценки достоинств и недостатков рассказа массовым читателем получилась подтасовка обществен-

ного мнения и профанация общественного вкуса».

Не то же ли самое происходит и теперь? Естественно возникает подозрение, не занимается ли журнал «Октябрь» подтасовкой общественного мнения и профанацией общественного вкуса — потворая печальный пример РАПП-а? Кстати, многие наверно еще помнят историю, как вологодские читатели восстали против документальной повести ныне покойного Александра Яшина «Вологодская свадьба». А в конце концов оказалось, что протест читателей против этого произведения был сфабрикован и сфальсифицирован — не Микулиной, так другими противниками принципа жизни, застигнутой врасплох».

В своем отрицании этого принципа Елена Микулина проявляет удивительнейшее упорство. Особенно ее не устраивает недовольный и неудовлетворенный жизнью молодой человек. Поэтому-то она и напала, кроме Солженицына, на другого писателя, Виктора Лихоносова, автора напечатанной в «Новом мире» повести «На улице широкой» и сборника рассказов «Голоса в тишине». В одном из рассказов этого сборника герой говорит:

«... буду до поры до времени гулять по городу, толковать о высоких вещах, и вдруг скудно мне станет, тоска по простеру и дорогам забьется внутри... И потянет меня вдаль».

И скитаясь по просторам и дорогам земли советской, неудовлетворенные жизнью все чаще и чаще сталкиваются с такими же недовольными и неудовлетворенными.

Так, герой рассказа «Родные» из сборника «Голоса в тишине» говорит:

«Я все больше поражаюсь, как мало, оказывается, надо человеку для счастья. Досталась в очереди свежая рыба — счастлив, съездил в отпуск на юг — вообще будто в Италию побывал. Муж ради семьи не заступился за честного человека и тем сберег свое место — жена счастлива. Ужас!»

— Ну и что же ты предлагаешь? — О-о, да... Ничего я не предлагаю... От меня ничего не зависит. И вообще давай лучше выпьем. Зря мы начали об этом».

Недовольство и неудовлетворенность

ПРИЗВАНИЕ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ И ЭМИГРАЦИИ

В газете «Голос Родины» за декабрь 1968 г., издающейся в Москве и широко рассылаемой русской эмиграции для завлечения в Советский Союз и разложения, помещено интервью с Московским Патриархом Алексием, направленное против Русской Зарубежной Церкви. В первой части интервью Патриарх Алексий говорит о якобы блестящих достижениях Русской Православной Церкви, им возглавляемой, за прошлый год, но ничего не упоминает о гонениях на религию и о тех трудных обстоятельствах, в которых находится Церковь и верующие люди в безбожном государстве. Во второй части обрушивается на Русскую Зарубежную Церковь.

Отвечая на вопрос корреспондента, «что Вы можете сказать по поводу антипатриотических высказываний в зарубежной прессе деятелей Карловацкого раскола и других подобных направлений?», Патриарх отвечает: «В изданиях Карловацкого раскола и некоторых органах эмигрантской печати помещается много материалов, направленных против нашего Отечества. Такого характера клеветнические высказывания оскорбительны для нашего народа и наших верующих. Они основываются на грубых вымыслах и исходят от злой воли людей, многие из которых считают себя христианами и даже церковными руководителями. Весь этот материал носит

не мешают героям рассказов Виктора Лихоносова быть исполнителем трудовых функций. Они прячут в глубине своих душ надежды на преобразования и реформы, и им совесть не позволяет видеть довольство и благополучие там, где его нет. Человек, который не позволяет заглохнуть собственной совести, все-таки продолжает оставаться и в современной прозе, и в современной поэзии.

И хочется надеяться, что как ни стараются хранители РАПП-овских традиций возродить индустриальные идиллии и колхозные пасторали, правду жизни, застигнутой врасплох, не удастся окончательно устранить из современной литературы. Ведь изгнать этот принцип совсем — значит совсем изгнать из искусства искренность и правду.

политический характер и направлен для причинения зла нашему Отечеству, дезинформируя тех, кто по тем или иным обстоятельствам проживает за пределами нашей Родины. Упоминаемая зарубежная пресса выступает и против Святой Русской Православной Церкви, любимой нашими верующими и уважаемой всеми Православными и инославными церквями мира. Эта пресса не только оскорбляет религиозные чувства наших верующих, но и приносит большой вред Православию и христианству в целом, ибо она сеет вражду между людьми и, прибегая к лжи, творит антихристианское дело. Мы надеемся, что те из наших соотечественников за рубежом, которые все еще верят этим клеветникам, найдут в себе силы прозреть и отступить от подобных злоречивых «духовных руководителей». Мы верим, что правда победит и истина восторжествует». Для большей достоверности под интервью помещено факсимиле подписи Патриарха Алексия, хотя нигде в печати так не делается.

Давно известно, что Московская Патриархия является инструментом советской пропаганды за границей и от ее имени совершаются выступления в пользу советской власти. Так в Послании Московского Патриарха Алексия на имя Римского Папы Павла VI от 31 декабря 1968 г. по поводу международного мира, о котором беспокоится Московский Патриарх, сказано: «Мы считаем недопустимым умолять о проблеме в настоящее время наиболее кровотокающей. Мы имеем при этом в виду войну в многотрадном Вьетнаме. Единственно возможный путь к разрешению этого вопроса: немедленное прекращение армиями США и их союзников военных действий в Северном и Южном Вьетнаме, безоговорочный вывод всех иностранных войск из Вьетнамской земли, после чего сам Вьетнамский народ определит свою судьбу и наметит путь своей жизни». Добавим от себя, что после этого там при помощи Московского советского правительства была бы установлена коммунистическая диктатура с преследованием религии и насаждением безбожия, с истреблением местных пат-

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 37

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Как всем им хотелось узнать о таком враче-чароде, о таком лекарстве, не известном здешним врачам! Они могли признаваться, что верят, или отрицать, но все они до одного в глубине души верили, что такой врач, или такой травник, или такая старуха-бабка где-то живет, и только надо узнать где, получить это лекарство — и они спасены.

Да не могла же, не могла же их жизнь быть уже обреченной! Как ни смеялись бы мы над чудесами, пока сильны, здоровы и благоденствуем, но если жизнь так заклинилась, так сплющилась, что только чудо может нас спасти, — мы в это единственное, исключительное чудо — верим!

И Костоготов, сливаясь с жадным запросом, с которым все товарищи его насторожились и слушали, стал говорить распыленно, даже более веря своим словам сейчас, чем верил письму, когда читал его про себя.

— Если с самого начала, Шаф, так вот. Про доктора Масленникова тот прежний больной рассказывал мне, что это старый земский врач Александровского уезда, под Москвой. Что он десятки лет — так раньше это было принято, лечил в одной и той же больнице. И вот заметил, что, хотя в медицинской литературе все больше пишут о раке, у него среди больных крестьян рака не бывает. Отчего б это?

(Да, отчего б это?! Кто из нас с детства не вздрагивает от Таинственного? — от прикосновения к этой непроницаемой, но податливой стене, через которую все же нет-нет да проступит то как будто чье-то плечо, то как будто чье-то бедро. И в нашей каждодневной, открытой, рассудочной жизни, где нет ничему таинственному места, оно вдруг да блеснет нам: я здесь! не забывай!)

— ... Стал он исследовать, стал он исследовать, — потворял Костоготов, обычно ничего не повторяющий, а сейчас находящийся в этом удовольствии, — обнаружил такую вещь: что, экономя деньги на чай, мужики во всей этой местности заваривали не чай, а ч а г у, иначе называется березовый гриб.

— Так подберезовик? — перебил Поддуев. Даже сквозь то отчаяние, с которым он себя согласил и в котором замкнулся в последние дни, просветило ему такое простое, такое доступное средство.

Так все кругом были люди южные и не то, что подберезовика, но и березы самой пные в жизни не видели тем более вообразить не могли, о чем толковал Костоготов.

— Нет, Ефрем, не подберезовик. Вообще это даже не березовый гриб, а березовый рак. Если ты помнишь, бывают на старых березах такие... наплывы их зовут, уродливые такие наросты — хребтовидные, сверху черные, а внутри — темнокоричневые.

— Так трютовика? — добивался Ефрем. — На нее огонь высекали раньше? — Ну может быть. Так вот Сергею Никитичу Масленникову и пришло в голову: — не этой ли самой чагой русские мужики уже несколько веков лечатся от рака, сами того не зная?

— То есть, совершают профилактику? — кивнул молодой геолог. Не давали ему весь вечер читать, однако, разговор того стоил.

— Но догадаться было мало, вы понимаете? Надо было все проверить. Надо было многие-многое годы еще наблюдать за теми, кто этот самодельный чай пьет и кто не пьет. И еще поить тех, у кого появляются опухоли, а ведь это — взять на себя не лечить их другими средствами. И угадать, при какой темпера-

туре заваривать и в какой дозе, кипятить или не кипятить, и по сколько стаканов пить, и не будет ли вредных последствий и какой опухоли помогает больше, а какой меньше. Но все это уши...

— Ну, а теперь? Теперь — волновался Сибатов. А Дема думал: неужели и от ноги может помочь? Ногу — неужели спасет? — А теперь? — вот он и на письма отвечает. Вот пишет мне, как лечить. — И у вас есть адрес? — жадно спросил безголосый, все придерживая рукой спящее горло, и уже вытягивая из кармана курточки блокнот с авторучкой. — И написан способ употребления? А от опухоли гортани помогает, он не пишет?

Как ни хотел Павел Николаевич выдержать характер и наказать соседа полным презрением, но упустить такой рассказ, такой случай было нельзя. Уже не мог он выкатить дальше в смысл и цифры проекта государственного бюджета на 1955 год, представленный сессии Верховного Совета, уже явно опустил газету и постепенно повернулся к Оглодеу лицом, не скрывая своей надежды, что это простое народное русское средство вылечит и его, сына русского народа. Безо всякой уже враждебности, чтобы не раздражать Оглодеу, но и напоминая все же, Павел Николаевич спросил:

— А — официально этот способ признан? Он — апробирован какой-нибудь инстанцией?

Костоготов сверху, со своего подоконника, усмехнулся. — Вот насчет инстанции не знаю. Письмо, — он потрепал в воздухе маленьким желтоватым листком, исписанным зелеными чернилами, — письмо деловое: как толочь, как разводить. Но думаю, что если б это прошло инстанции, так нам бы уже сестры разносили такой напиток. На лестнице бы бочка стояла. Не надо было бы и писать в Александров.

— Александров, — уже записал безголосый. — А какое почтовое отделение? Улица? — он быстро управлялся.

Ахмадджан тоже слушал с интересом, еще успевая тихо переводить самое главное Мурсалимову и Егенбердиеву. Самому-то Ахмадджану этот березовый гриб не был нужен, потому что он выздоравливал. Но вот чего он не понимал:

— Если такой гриб хороший — почему врачи на вооружение не берут? Почему не вносят в свой устав?

— Это долгий путь, Ахмадджан. Одни люди не верят, другие не хотят переучиваться и поэтому мешают, третьи мешают, чтоб свое средство продвинуть. А нам — выбирать не приходится.

Костоготов ответил Русанову, ответил Ахмадджану, а безголосому не ответил — не дал ему адреса. Он это сделал незаметно, будто не дослышал, не успел, а на самом деле он не хотел дать адрес. Потому не хотел, что привязчивое было что-то в этом безголосом, хотя и очень почтенном — с фигурой и головой директора банка, а для маленькой южно-американской страны даже и премьер-министра. И было жаль Олегу честного старого Масленникова, не достающего над письмами незнакомых людей, — закидает его безголосый вопросами. А с другой стороны нельзя было не сжалиться над этим спящим горлом, потерявшим человеческую звонкость, которую совсем мы не дорожим, имея. А еще с третьей стороны, сумел же Костоготов болеть как специалист, быть больным, как преданный своей болезни, и вот уже патологическую анатомию почитал, и на всякий вопрос добивался разъяснений от Гангарт и Донцов, а вот уже от Масленникова получил ответ. Почему же он, столько лет лишенный всяких прав, должен был учить этих свободных людей изворачиваться под наваливающей глыбой? Там, где складывался его характер, закон был: «Нашел — не навязывай, облупишь — не показывай». Если все кинулся Масленникову писать, то уж Костоготову второй раз ответа не дожидаться.

А все это было — не размышление, лишь один поворот подбородка со шрамом от Русанова к Ахмадджану мимо безголосого.

риотов и с распространением советского господства на Азию.

Не менее характерным является напечатанное в № 10 "Журнала Московской Патриархии" за 1968 год письмо за подписью Патриарха Алексия на имя Председателя Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей М. М. Томаса в защиту советской военной интервенции в Чехословакию, которую осудил Совет Церквей. Патриарх Алексий вопреки всему миру решительно защищает советскую интервенцию и говорит, что она "явилась необходимостью защиты социалистического строя в Чехословакии, которому народ этой страны предан и самое существование которого оказалось перед угрозой со стороны разрушающей деятельности антикоммунистических сил". В дальнейших строках, осуждая эти "антикоммунистические силы" говорится, что они "фактически направлены на усиление имеющей ныне место кампании нагнетения напряженности в международных отношениях". Очевидно, что подобные документы составляют в канцеляриях Комитета Государственной Безопасности, а пленник — Патриарх только их подписывает при "нагнетении" чекистов.

Достопримечательным также является выступление с письменным заявлением Митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, "по поручению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода" обращенное к бывшему в июне месяце прошлого года в Женеве, Всеправославному Совецанию в составе представителей Православных Церквей с энергичным требованием осуждения "Русской Православной Церкви за границей, или как она еще называется иначе Русской Зарубежной Церкви (Карловацкой раскол)". Представители Православных Церквей не только не пожелали обсуждать этот вопрос, но даже не пожелали выслушать заявление. Основной мотив это-

го заявления заключается в перечислении актов Московской Патриархии против зарубежных епископов за их отказ от обязательности в лояльности к советской власти.

Вышеприведенные и подобные им заявления Московского Патриарха Алексия и его иерархии очевидно являются той жестокой, унижительной и оскорбительной для Церкви ценой, которой платит Московская Патриархия безбожному советскому правительству за допущение ее существования в порабощенном коммунизмом государстве. По существу же все это — выступления советской власти, произносимые устами Московской Патриархии.

Выступления из Москвы против Русской Зарубежной Церкви могут быть ключом для решения вопроса, откуда проистекают или на чью пользу идут и те нападки, которые появляются против нашей Зарубежной Церкви, ее иерархов и церковных деятелей в самой эмиграции.

Имея в виду изложенное выше, мы, верные сыны Святой Русской Православной Церкви, должны усилить свой подвиг, прежде всего молитвенный подвиг, молясь за нашу многострадальную Родину, за освобождение ее от безбожного коммунистического ига. Мы должны с еще большей ревностью обличать безбожный коммунизм и советское правительство, обманывающее весь мир. Мы должны исполнять свой долг, хотя бы мы остались в полном одиночестве, хотя бы мы подверглись еще большим гонениям и преследованиям, памятуя, что за нами правда Божия и сочувствие многострадального Русского народа, к которому, очевидно, проникает наш голос, чем и вызывается эта острая вражда против нас безбожной советской власти и ее приспешников.

Архиепископ Никон

Январь 23, 1969 г.

ВЫ И ВАШ МУЗЕЙ

Двадцать лет тому назад лучшие представители общественности города Сан-Франциско пришли к мысли о создании Музея Русской Культуры. Этому способствовали печальные вести, поступавшие из разных стран Европы о гибели или утрате во время Второй Мировой войны большинства созданных российской эмиграцией различных научных центров, исторических музеев и архивов, ценнейших библиотек и картинных галерей.

При энергичной поддержке ряда местных организаций было заложено основание Музея, и небольшая группа преданных высокой идее спасения и сохранения оставшихся в частных руках культурно-исторических ценностей — принялась за работу. Тысячи ленточек, оберток и писем были разосланы во все эмигрантские колонии, разбросанные по земному шару. Сотни статей помещены в различных газетах и журналах.

В результате этой напряженной информационно-просветительской работы создателей Музея, поток всевозможных материалов научного, культурного и исторического значения полился со всех концов земли в новую сокровищницу русской культуры за рубежом. Эмиграция горячо откликнулась на призыв Музея и правильно поняла, что выбор места для такого рода учреждения в стране, географиче-

ски удаленной от тех, кто захватил редчайшие и ценнейшие уникальные архивные материалы в Праге, Варшаве, Белграде и других местах Центральной Европы, был сделан правильно. К настоящему времени в Музее, книгохраннище и архиве накоплено в общей сложности материалов на сумму, превышающую сто тысяч долларов по минимальной музейной оценке.

Как ни приятно здесь отметить исключительно жертвенность отдельных лиц и учреждений, расставшихся с имевшимися у них материалами и отдавших их в свой эмигрантский Музей, мы должны здесь также отметить неприятный факт отсутствия материальной поддержки Музея как со стороны передовых организаций нашей колонии, так и со стороны всей многотысячной русской колонии Сан-Франциско и окрестностей и, особенно, со стороны русских богатых людей.

К нашей общей гордости, Музей, как и Русский Центр, газета "Русская Жизнь" и другие русские организации нашего города были построены на трудовые гроши добросердечных и отзывчивых жертвователей. Люди, создавшие здесь капиталы и личное благополучие (а их немало), за очень редким исключением, стояли и стоят в стороне от всех обще-

МУЗЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В САН-ФРАНЦИСКО ОСНОВАН В 1948 ГОДУ.
Член Всеамериканского Союза музеев.

Адрес Музея:

Museum of Russian Culture, 2450 Sutter Str. San Francisco 94115, Calif. U.S.A.
Отделы Музея: НАУЧНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, ИСКУССТВА, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЖИЗНИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫЙ, АРХИВ, КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

Музей открыт по вторникам с 7 до 9 часов вечера. Для экскурсий и приезжих гостей открывается в любое время по согласению через Управляющего Русским Центром и Хранителя Музея.

Музей принимает в дар или на временное хранение: книги, брошюры, рукописи, журналы, газеты, письма и биографии выдающихся русских людей, исторические документы и предметы, картины, скульптуры, архитектурные проекты, фотографии, художественные и исторические открытки, гравюры, карты, почтовые и денежные знаки, монеты, медали, предметы зодчества и валяния, церковные реликвии, образцы кустарных изделий, художественное рукоделие, предметы русского быта; и берет на себя все расходы по пересылке посылаемого музейного материала в случае денежного затруднения жертвователя.

Церковно-Приходский Совет при Храме Св. Преп. Сергия Радонежского сообщает, что занятия в приходской школе начнутся 15-го марта. Запись детей в Школу — по воскресеньям после Богослужения в библиотеке.

9-го марта после Божественной Литургии будет отслужен МОЛЕБЕН перед началом занятий во всех школах.

— А способ употребления он ищет? — спросил геолог. Карандаш и бумага без того были перед ним, так читал он книгу.

— Способ употребления — пожалуйста, запасайтесь карандашами, диктую, — объявил Костоготов.

Засуетились, спрашивали друг у друга карандаш и листик бумаги. У Павла Николаевича не оказалось ничего (да дома-то у него была авторучка со скрытым пером, нового фасона!) и ему дал карандаш Демка. И Сибгатов, и Федерату, и Ефрему не захотели писать. И когда собрался, Костоготов медленно стал диктовать из письма, еще разясняя, как чагу высушивать не до конца, как тереть, какой водой заваривать, как настаивать, отцеживать и по сколько пить.

Выводили строчки кто быстрее, кто неумелые, просили повторить — и стало особенно тепло и дружно в палате. С такой нелюбовью они иногда отвечали друг другу — а что было им делать? Один у них был враг — смерть, и что может разделить на земле человеческие существа, если против всех них единожды установлена смерть?

Окончив записывать, Дема сказал грубоватым голосом и медленно, как, не по возрасту, он говорил:

— Да... Но откуда же березу брать, когда ее нет?..

Вдохнули. Перед ними, давно уехавшими из России (кто и добровольно) или даже никогда не бывавшими там, прошло видение этой неприятельной, умеренной, но прожаренной солнцем страны, то в завеси легкого грибного дождика, то в весенних половодьях и увязших полевых и лесных дорогах, тихой стороне, где простое лесное дерево так служит и так нужно человеку. Люди, живущие в той стране, не всегда понимают свою родину, им хочется яркого синего моря и бананов, а вон оно, что нужно человеку: черный уродливый нарост на белой березе, ее болезнь, ее опухоль.

Только Мурсалимов с Егенбердиевым понимали про себя так, что и здесь — в степи и горах, обязательно есть то, что нужно им, потому что в каждом месте земли все предусмотрено для человека, лишь надо знать и уметь.

— Кого-то надо просить — собрать, прислать, — ответил Демке геолог. Кажется, ему приглянулась эта чага.

Самому Костоготову, который все это нашел и расписал, однако некого было просить в России искать гриб. Одни уже умерли, другие рассеяны, к третьим нелегко обратиться, четвертые — горожане куцые, ни той березы не найдут, ни тем более чаги на ней. Он сам не знал бы сейчас радости большей: как собака уходит спасаться, искать неведомую траву, так пойти на целые месяцы в леса, ломать эту чагу, крошить, у костров заваривать, пить и выздоравливать подобно животному. Целые месяцы ходить по лесу и не знать другой заботы, как выздоравливать.

Но запрещен ему был путь в Россию.

А другие тут, кому он был доступен, не научены были мудрости жизненных жертв — уменью все стянуть с себя, кроме главного. Им виделись препятствия, где их не было: как получить бюллетень или отпуск для таких поисков? Как нарушить уклад жизни и расстаться с семьей? где денег достать? как одеться для такого путешествия и что взять с собой? на какой станции сойти и где потом дальше узнать все?

Прихлопывая письмом, Костоготов еще сказал:

— Он упоминает здесь, что есть так называемые заготовители, просто предпринимательские люди, которые собирают чагу, подсушивают и высыпают наложенным платежом, но только дорого берут — пятнадцать рублей за килограмм, а в месяц надо шесть килограмм.

— Да какое ж они имеют право? — возмутился Павел Николаевич, и лицо его стало таким начальственно-строгим, что любой заготовитель струсил бы перед ним и даже белье бы испортил. — Какую же они имеют совесть драть такие деньги за то, что от природы достается даром?

— Не кричи! — шикнул на него Ефрем. (Он особенно противно коверкал слова — не то нарочно, не то язык так выговаривал). — Думаешь — подошел да взял? Это по лесу с мешком да с топором надо ходить. Зимой — на лыжах.

— Но не по пятнадцать же рублей килограмм, спекулянты проклятые! — никак не мог уступить Русанов, и снова проявились на его лице красные пятна.

Вопрос был слишком принципиальный. С годами у Русанова все определенной и непоколебимой складывалось, что все наши недочеты, недоработки, недоделки, недоборы — все они проистекали от спекулянта. От мелкой спекуляции, как продажа какими-то непроверенными личностями на улицах зеленого лука, редиски и цветов, какими-то бабами на базаре молока и яиц, на станциях — ряженки, яблок, шерстяных носков и даже жареной рыбы. И от крупной спекуляции, когда с государственных складов гнали куда-то "по левой" грузовики. И если обе эти спекуляции вырвать с корнем, — все быстро у нас выправится, и успехи будут еще более поразительными. Не было ничего дурного, если человек укреплял свое материальное положение при помощи высокой государственной зарплаты и высокой пенсии (Павел Николаевич и сам-то мечтал о персональной). В этом случае и автомобиль, и дача, и небольшой особнячок были трудовыми. Но той же самой заводской марки автомобиль и того же стандартного проекта дача приобретали совсем другое — преступное содержание, если были куплены за счет спекуляции. И Павел Николаевич мечтал, именно мечтал, а л о введении публичных казней для спекулянтов. Публичные казни могли быстро и уже до конца оздоровить наше общество.

— Ну хорошо, — рассердился и Ефрем. — Не кричи, а сам поезжай и организуй там заготовку. Хочешь, государственную. Хочешь, кооперативную. А дорого пятнадцать рублей — не заказывай.

Это-то слабое место Русанов понимал. Он ненавидел спекулянтов, но сейчас пока это новое лекарство будет апробировано Академией Медицинских Наук и пока кооперация среднерусских областей организует бесперебойную заготовку — опухоль Павла Николаевича не ждала.

Безголосый новичок с блокнотом, как корреспондент влиятельной газеты лез на койку Костоготова и сиплым шепотом добивался:

— А адреса заготовителей?... а адресов заготовителей в письме нет?

И Павел Николаевич тоже приготовился записать адреса.

Но Костоготов почему-то не отвечал. Был в письме хоть один адрес или не был, — только он не отвечал, а слез с подоконника и стал шарить под кроватью за сапогами. Вопреки всем большим запретам он утаил их и держал для прогулок.

А Дема спрятал в тумбочке рецепт и, ничего больше не добываясь, укладывал свою ногу на койку поосторожнее. Таких больших денег у него не было и быть не могло.

Помогала береза, да не всем.

Русанову было просто неудобно, что после стычки с Оглоedom — уже не первой стычки за три дня — он теперь так явно заинтересован рассказом и вот зависит от адреса. И чтобы как-то умягчить Оглоеда, что ли, неумышленно, а невольно выдвигая то, что объединяло их, Павел Николаевич сказал вполне искренно:

— Да! Что может быть на свете хуже... (рака? но у него был не рак) — ... этих... онкологических... и вообще рака?

Но Костоготов ницуть не тронула эта доверительность старшего и по возрасту, и по положению, и по опыту человека. Обматывая ногу рыжей портянкой, сохнувшей у него в обвой голенища и натягивая отвратительный кирзовый сапог с грубыми латками на сгибах, он ляпнул:

— Что хуже рака? Проказа!

(Продолжение следует)

БИБЛИОГРАФИЯ

Элла Боброва "Ирина Истомина"
Издательство "Современник"

Элла Боброва хорошо знакома русским читателям по зарубежной печати ("Современник", "Новый журнал", "Русское Слово в Канаде" и антология "Содружество", сборник, изданный в Вашингтоне под редакцией Т. Фесенко)

"Ирина Истомина", плод многолетнего труда автора. Это повесть сравнительно недавних лет, свидетелями которых была большая часть нынешней эмиграции, и написана она слезами всех, пострадавших в ту пору в Советском Союзе. Не поддаваясь искушению во имя красивого сочетания слов отступать от правдивости в изложении фактов, мастерски справившись с широким замыслом, автор написал повесть, которую можно считать событием литературного зарубежья. Несмотря на трагичность темы, автор ведет повествование в сдер-

живных начинаний и от них поддержи ожидать не приходится.

Весной 1960 года Правление Музея обратилось письменно ко всем общественным, церковным, политическим и культурно-просветительным организациям дать оценку роли и назначения Музея: нужен он или нет; если нужен — будут ли они оказывать ему систематическую материальную поддержку для его бесперебойного функционирования. Надо сказать правду: ответ был положительный, но далеко не все организации дали этот ответ. А вторая часть вопроса была деликатно "замолчана". До настоящего времени только одна организация с самого первого дня основания Музея продолжает ассигновывать ежегодно определенную сумму.

Музей существует исключительно на членские взносы, а это, конечно, при незначительном составе членов, недостаточно. Очень часто Музей не в состоянии приобрести ценные материалы, предлагаемые по сравнительно нормальной цене, и эти документы навсегда становятся утерянными для России. Сейчас, когда собирательный процесс достиг своего максимума, первоочередной задачей его труженников является приведение собранного в состояние и порядок, принятый в музеях и архивах всех стран. Чтобы это осуществить, Музею нужны деньги, так как без наемного труда в помощь бескорыстным и беззаветно преданным работникам Музея, осуществить эту первоначальную задачу невозможно.

Так много в эмиграции развелось собирателей пожертвованных, иногда с весьма сомнительными или даже ненужными целями, что мы оставляем этот вопрос решать вам самим. Но то, что мы просим вас, имеет гораздо большее значение. Мы ждем вашей моральной поддержки и участия в жизни вашего Музея. Мы приглашаем вас вступить в число действительных членов Музея для активной работы или в число друзей Музея, если вы не можете разделить труды сотрудников Музея.

Многие, не ознакомившись с задачами и целями Музея, отмахиваются от него; другие говорят, что они в музейном деле ничего не понимают и поэтому не могут быть полезными Музею; третьи просто считают Музей пустой и ненужной затеей. Для тех, кто хоть немного сочувствует даже не самой идее, а труду других, мы и обращаемся с нашим приглашением: присоединяйтесь к нам, помогите найти нам смену, поддержите это дело, которое было начато вашими предшественниками.

Для того, чтобы вам была понятна нужда Музея в деловых музейных сотрудниках, мы можем указать здесь, что если вы умеете печатать на пишущей машинке, или являетесь фотографом, художником, чертежником, переплетчиком-любителем, умеете владеть пилой, молотком или малярной кистью, или даже ничего не умеете делать в данный момент (позже мы вас научим) — вы желанный член Музея и ваш вклад в общее строительство, совершенно независимо от того, что вы делаете, — анализируете ли тексты старинных документов или красите полки книгохранилища, является равноценным с другими. Придите же к нам на помощь и вашему Музею на преуспевание.

Вступайте в члены Музея Русской Культуры в Сан Франциско.

Председатель Музея А. С. Лукашкин

жанным тоне, без выкриков, без истеричности, чем достигает наибольшей яркости, убедительности и глубины. Характерной особенностью стиля Эллы Бобровой является легкость, сжатость и точность поэтических образов.

"Ирина Истомина" является собой один из памятников страшного периода в истории России:

"Не спали матери и жены.
Ночь. Гул мотора. Чей черед?"
Этими словами начинается повесть, в спокойном тоне, как голос судьбы выносящего приговор за страшные деяния.

"В стране под маскою закона шло беззаконие в поход..."

Каждая строка это горькая действительность, пережитая всеми народами страны.

"Слышали Н... вчера забрали..."

Так шаг за шагом автор возвращает нас в прошлое, которое забыть нельзя, которое не должно быть забыто.

Не сгущая красок, не выхватывая отдельных эпизодов, автор описывает страдания народа на фоне "мирно" протекающей жизни в советских условиях.

Ирина живёт жизнью школьницы, когда в дом ее постучалась беда в образе "Черного ворона"

"... что же с ней случилось?
Вдруг стала замкнутой, чужой;
подруг как будто сторонилась,
а голос... тихий и глухой.
Глаза опухли; и погасли
в них искры смеха..."

Надолго погас смех в глазах Ирины: "... к тюрьме к властям — повсюду ей грозил новые заботы..."

Не ограничиваясь описанием атмосферы террора 1937 года, автор никогда не отходя от жизненной правды, сжато, но убедительно описывает наиболее яркое, наиболее характерное в советских буднях того периода ("анкеты, собрания, очереди, толкучку...") Не нарушена также историческая достоверность событий международного значения ("освобождение" Польши, позорная для Советского Союза война с Финляндией, договор с Германией и наконец война, хаос в тылу и на фронте). Этим заканчивается первая часть повести.

Во второй части Ирина на Западе. Красочное описание этого периода в ее жизни трогательно-правдиво:

"Как удержаться от сравнений?
Взметнувшись, мысль летит домой:
внушает горечь, удивление
и восхищенье мир иной..."

Увиденное на Западе рождает новые мысли, незнакомые ей прежде. И здесь автору удалось правдиво передать переживания, характерные для мыслящей молодежи, попавшей в Германию.

"Уходит вера без возврата
в мифоподобный идеал —
из бронзы он вдруг
пылью стал"

"Да здравствует"
"Не"

Вот он, источник дел кровавых

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, р. 5, А
Один квартал от подземной жел. дор.
Rio de Janeiro по улице Corrientes

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА"

	ам. долл.	арг. песо
Иван Солоневич "Народная монархия" Том 1	1.50	350.—
Иван Солоневич "Народная монархия" Том 2	1.50	350.—
Иван Солоневич "Народная монархия" Тт. 3-4	3.00	700.—
Что говорит Иван Солоневич	1.00	250.—
Иван Солоневич "Роман во дворце труда"	1.50	350.—
Иван Солоневич "Хозяева" (русская сказка)	1.00	250.—
В. К. Федюнок "Военно-морской флот СССР"	1.00	250.—
Лидия Норд "Из блокнота советской журналистки"	1.00	250.—
Н. Былов "А. С. Пушкин как основа контрреволюции"	0.50	150.—
Проф. М. В. Зызыкин "Имп. Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 года"	1.50	350.—
М. М. Спасовский "Соборная монархия"	0.50	150.—

Заказы направлять на адрес редакции:

Tatiana Kirew de Dubrowsky — Casilla de Correo 2847 — Buenos Aires

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Después de la derrota de Francia y la liquidación de los periódicos rusos en aquel país, el Nóvoie Slovo fué el único órgano en idioma ruso, en toda Europa. La guerra entre Alemania y la Unión viética despertó el interés de los lectores hacia el periódico. Cuando ingresé a su redacción, la tirada hacia tiempo que había superado los cien mil ejemplares, y era leído por los rusos desde el Océano Atlántico hasta el Dniéper y desde el Mar Egeo hasta el Cabo Norte.

Por lo tanto la redacción de Nóvoie Slovo resultó un foco peculiar en que convergieron en aquellos días, las ideas, las esperanzas y las desilusiones de los rusos en el exilio. Decenas de visitantes nos comunicaban diariamente sus impresiones personales, y más de cien cartas por día nos traía el correo reflejando la situación en las regiones más diversas.

(Continuará)

И ненавистен стал тиран,
и свой, и всех времен и стран.

Тема Второй Мировой войны не исчерпаема: о ней пишется много порой спорного и неверного. Элла Боброва тоже приходит к этой теме в логической последовательности, но с достоинством и благородством, не делая заключений и не вынося приговора.

"Об армии Освобождения так Ира услышала здесь впервые. Привела в смятение и мысль, и чувство эта весть..."

... предателями как назвать мильон солдат и офицеров?"

И автор находит наиболее верное и разумное решение:

"История: Твой ждет их суд".

Ирина, увезенная в Германию насильно, оставалась на чужбине русской, с присущей русской женщине душевной чистотой. Несмотря на пережитое дома, она жила надеждой на возвращение к матери. Но горькое чувство сомнения продолжало ее мучить: поедет ли она домой или в лагерь — из немецкого в советский?

Увы, сомнения ее оправдались: переживших войну и лагерь в Германии гнали под усиленным конвоем, как преступников, в лагеря СМЕРШ-а.

Мир? Лишь сменили часовых,
и сторожат свои
своих".

Неумолимая истина повести напоминает нам наше "вчера" и оправдывает наше "сегодня". Судьба Ирины Истоминной, это наша судьба.

Хотя повесть эта держит читателя в напряжении и нередко вызывает слезы, она относится к разряду книг, к которым хочется возвратиться снова. Из нее трудно выбрать цитаты: выбрав одну строку, невольно тынешься к другой. Элла Боброва зрелый поэт и повестью "Ирина Истомина" она еще раз это доказала. Для людей, которые не любят поэзии, мотивируя это тем, что они ее не понимают, добавлю: поэзия Эллы Бобровой понятна всем, ибо язык ее красив, легок и правдив. В заключение хочется поздравить автора с большой творческой удачей и поблагодарить за хорошую книгу.

Вадим Брунов

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
M O N R O E 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕМ Н О В Ъ Х П О Д П И С Ч И К О В !

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605
(Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

В Villa La Bolsa в 8 км. от Alta Gracia, prov. Córdoba, на осенний период сдаются комнаты по удешевленным ценам сроком на 10, 15 и 30 дней. Пользование кухней, газовым льдином, столовой, кухонной посудой и столовым прибором. Пользование горячей водой.
При доме имеется парк. Прекрасная осень в этой местности располагает к душевному отдыху.
Обращаться:
V. Jalovenko. 9 de Julio y Mitre.
Tienda.
Burzaco, F.N.G.R.

Нужен мужчина, желательно одинокий и пенсионер, знакомый с садоводством и посадкой цветов в Villa La Bolsa (prov. Córdoba). Предоставляется меблированная комната. Оплата по соглашению. Обращаться:
Sr. V. Jalovenko. Tienda.
Calle 9 de Julio esq. Mitre,
Burzaco, F.N.G.R.

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга
М. КАРАТЕЕВА
"ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО"
Сборник исторических очерков, 256 стр. Цена — 4 ам. долл., в Аргентине — 900 песо.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ
Abogado y Ex-Juez de Tribunal de Yugo-Slavia
TRADUCTOR PUBLICO
Б Ю Р О
Присяжных Переводчиков
М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.
LAVALLE 1570, p. 4
Т. Е. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.
Прием больных от 14.00 до 15.00 час. по субботам.
Адрес: Calle Buenos Aires 2655, Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215 и железнодорожная станция "Dr. Cetrangolo" (Mitre).
Стоимость визита — 50 песо.
Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам.
Заведующий амбулаторией — д-р М. Царевский.